

А. Волкова

Независимый исследователь, Калуга

Францисканские мотивы в поэзии М. Кузмина

Впервые о францисканстве как культурном коде в поэзии Кузмина написал Г. Г. Шмаков (1940–1988) — поэт, переводчик, балетный критик. В статье «Блок и Кузмин» он так сказал о францисканской образности в поэтике Кузмина: «сравнительный анализ образности францисканских гимнов и устойчивой метафористики раннего Кузмина» показывает, что «поэтическая францисканская дикция <...> была в достаточной степени усвоена поэтом».¹ Исследователь упоминал о той самой «ясности» стихотворных текстов Кузмина, которая была дарована ему в том числе «умиленным», «францисканским», «религиозно-благоговейным отношением к миру».²

Г. Г. Шмакову также принадлежит статья «Михаил Кузмин и Рихард Вагнер», где исследователь упоминает «Цветочки» святого Франциска как один из контекстов творчества Кузмина: «Михаил Кузмин был стоек в своих пристрастиях: Франциск Ассизский с его “Fioretti” и особенно францисканские гимны, гностики, Моцарт...».³ Интересно, что здесь говорится и о гимнах, написанных францисканцами, многие из которых были поэтами.

Наконец, в статье-предисловии «Два Калиостро», которую Г. Г. Шмаков предпослал жизнеописанию графа Калиостро, написанному Кузминым («Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро»), исследователь дважды упоминает о францисканстве не просто как об одной из основ поэтики Кузмина, но и как о составной части его мировоззрения: «в его <Калиостро. – А. В.> бурной скитальческой жизни и своей — более размеренной, созерцательной, пронизанной токами разъедающей галльской иронии и светом все-

прощающего и всепринимającego францисканства, Кузмин прозревал глубинное родство»; «Кузмина не мучили проклятые вопросы русского бытия и словесности <...> он развивался сам, без оглядки на литературные доктрины и политические программы, ухмылки или улюлюканье по поводу его гомосексуальных пристрастий, его францисканства, веры в гностиков и “домашнего христианства”». ⁴

Помимо статей Шмакова, существует также ряд исследований других авторов, которые указывали на влияние францисканства на лирику Кузмина. Так, например, И. Г. Вишневецкий в статье «Михаил Кузмин и св. Франциск: заметки к теме» наметил некоторые направления в исследовании францисканского культурного кода в стихотворных текстах поэта. ⁵ К. Г. Исупов в небольшом исследовании «Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры», рассматривая в целом поэтику Серебряного века с точки зрения присутствия в ней францисканских мотивов, отмечает, что в «Стихах об Италии» (1920–1921) Кузмина в стихотворении «Ассизи» (1921) обыгрываются «интонации “Цветочков”». ⁶

В статьях архимандрита Августина (Никитина) «Францисканские мотивы в русской поэзии. “Гимн Солнцу”» рассматривается влияние только одного францисканского текста — однако самого известного — «Гимна Брата Солнца», написанного самим святым Франциском. ⁷ Однако архимандрит Августин ограничивается лишь упоминанием стихотворения Кузмина, на написание которого поэта вдохновило знаменитое жизнеописание Франциска — «Цветочки».

Таким образом, францисканство как культурный код в поэтике Кузмина отмечается многими исследователями — равно как и вообще интерес Серебряного века к францисканской традиции и самому святому Франциску. С одной стороны, это связано с общей направленностью русской культуры начала XX века к некоему синтезу, к преобразованию мира эстетикой, красотой. С другой стороны, обращение к францисканской образности, поэтике, мировосприятию представляет собой один из путей поиска нового художественного языка.

Кузмин писал об особой, свойственной поэтам обостренности восприятия, похожего на предсмертную: поэты «должны иметь острую память любви и широко открытые глаза на весь милый, радостный и горестный мир, чтобы насмотреться на него и пить его

каждую минуту последний раз».⁸ Кроме того, Кузмин указывал непосредственно на творчество самого св. Франциска как на истинное искусство: «Настоящая грандиозная и высокая концепция мира и возвышенное мировоззрение почти всегда приводят к умиленности святого Франциска».⁹ В возрасте двадцати четырех лет, весной 1896 года, Кузмин совершил поездку в Италию — и это оказало большое влияние как на его мировоззрение, так и на его творчество. Образ Италии нашел свое отражение и в поэтических, и в прозаических текстах Кузмина: «то во всей пластичности точных деталей быта, то в сложной цепи гностических намеков. Рим, Флоренция, Венеция, Ассизи — каждый образ имеет свою глубинную корневую систему, свой круг имен и символов».¹⁰

Чтобы рассматривать влияние францисканства в его различных аспектах на поэтику Кузмина, необходимо учитывать основные особенности и специфику францисканской духовности.

Исходный тезис при кратком изложении духовных основ францисканства — это отсутствие какой-либо францисканской рационально упорядоченной системы, хотя теологические основания жизненной концепции сходны у всех католических Орденов — теоцентризм и христоцентризм. Эта внесистемность предполагает синтез различных тенденций: «простота» святого Франциска сочетается с «тончайшей» философией Дунса Скота, аллегорическими толкованиями Священного Писания святого Антония Падуанского, мистицизмом святого Бонавентуры. Несистематичность дает о себе знать при любой попытке строгой классификации францисканских принципов. Об этом упоминает в своей книге отец Августин Джемелли, приводя слова Валентина Бретона: «Францисканская доктрина не является тем приятным взглядом садиком во французском стиле, которым можно восхищаться, говоря о других доктринах. Она часто неупорядочена и трудна, но несет в себе отличительные черты реальности».¹¹ Многообразие и сложность действительности определяют францисканское мировоззрение, общий тон которого был задан основателем Ордена святым Франциском Ассизским. В этом общем настроении францисканской духовности первичен и важен момент, который еще до Франциска был отмечен апостолом Павлом в Послании к Римлянам: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы...» (Рим.1:20).

Эту мысль продолжает блаженный Августин: «Но без Тебя не было бы ничего, что существует, — значит всё, что существует, вмещает Тебя?»¹² Франциск продолжает традицию Августина; видение Франциском природы не является пантеизмом, но формой христианского теизма: «...францисканская аскеза не имеет мрачного и жестокого характера; <...> она не ставит Бога в противоречие с природой и жизнью. Если вещи — Его творение, нужно любить их, но никогда не как Бога и не сильнее Бога <...> Францисканская духовность солнечна <...> францисканская духовность не закрывает окон и не погружает душу в темную ночь, а ставит между нами и творениями мысль Бога; и в сиянии Того, Кто их создал, Того, Кто их искупил, она возвращает им высочайшее значение».¹³

Один из основных принципов францисканства, независимо от разделения его на ветви, — через творение к Творцу — в поэзии (прежде всего в поэзии самого Франциска Ассизского) выявляет себя через одухотворение физического, или «спиритуализацию» образов, взятых из мира природы: спиритуализация или одухотворение (не одушевление!) является одной из наиболее древних особенностей христианского дискурса. Когда святой Франциск обращается к творениям в своем «Гимне Брату Солнцу», он пытается привести нас к осознанию Божественной славы.

Интертекстуальный подход, основывающийся на прочтении и интерпретации отсылок, аллюзий, образности позволяет анализировать поэтические тексты Кузмина в контексте францисканской образности, метафорики, сюжетности. Францисканские мотивы, аллюзии и реминисценции прочитываются в стихотворениях на двух текстовых уровнях: имплицитно и эксплицитно.

Рассмотрим тексты, в которых францисканские мотивы присутствуют имплицитно — на уровне подтекста, как образы, метафоры, аллюзии.

Здесь необходимо отметить специфику поэтических текстов францисканцев. Световая образность пронизывает и поэзию, и духовность св. Франциска. В «Гимне брату Солнцу» он восхваляет не только солнце, но и луну, звезды, огонь, и именно звезды у него удостоены эпитета «драгоценные» (*pretiose*).¹⁴ Также интересно, что в гимне св. Франциска из земных созданий упоминаются именно трава и «яркие цветы» (*con coloriti flori et herba*), то есть делается акцент

на визуальное восприятие мира.¹⁵ Таким образом, световая поэтика гимна св. Франциска является закономерным выражением его восхищения Божьим миром, его внимания к визуальной стороне этого мира, через которую он прозревает Божественное бытие.

Кроме этого, характерной чертой францисканской поэтики (гимнов, житийных текстов, молитв) является так называемый «язык любви», напоминающий куртуазный язык трубадуров, но выражающий преданность и любовь к Богу. Например, в отрывке, повествующем о преданности св. Франциска этому празднику его любовь к воплотившемуся Богу раскрывается через описание поведения святого: «Превыше всех других торжеств, с *невыразимым усердием* праздновал он Рождество Младенца Иисуса и называл праздником праздников тот день, когда Бог, сделавшись малым ребенком, сосал человеческую грудь. *Жадно целовал* он изображения этого ребенка, и сострадание к Младенцу, изливаясь в сердце, заставляло его *бормотать сладкие слова*, как это делают дети. Это имя было столь же сладким в устах его, сколь медовые соты» (Второе Житие Фомы Челанского, глава СLI, 199).¹⁶ Семантика слов «целовать», «сладкий» утрачивает здесь эротические коннотации, свойственные подобной лексике, которая использовалась в любовных стихах и песнях. Внешнее, чувственное (осозательное, вкусовое) выражение является одним из способов говорения о Божественном мире.

О поэтическом творчестве св. Франциска иногда говорят как о романтическом. Этот «романтизм» отчасти связан с влиянием на святого лирики французских трубадуров. Любовь св. Франциска к поэтическому выражению религиозных истин была им выражена в словах, обращенных к брату Пацифику: «Кто же есть слуги Бога, как ни Его радостные трубадуры, которые должны вести сердца людей к духовной радости?»¹⁷ Таким образом, св. Франциск сам себя именуется трубадуром, признавая тем самым включенность в поэтическую стихию.

Указанные францисканские образы природы, света, любви встречаются и в стихотворениях Кузмина: часто все эти образы контаминируются, создавая единое поэтическое пространство.

Примером может стать стихотворение из цикла «Радостный путник» (ноябрь 1907):

Светлая горница — моя пещера,
Мысли — птицы ручные: журавли да аисты;
Песни мои — веселые акафисты;
Любовь — всегдашняя моя вера.
Приходите ко мне, кто смутен, кто весел,
Кто обрел, кто потерял кольцо обручальное,
Чтобы бремя ваше, светлое и печальное,
Я как одежду на гвоздик повесил.
Над горем улыбнемся, над счастьем поплачем.
Не трудно акафистов легких чтение.
Само приходит отрадное излечение
В комнате, озаренной солнцем не горячим.
Высоко окошко над любовью и тлением,
Страсть и печаль, как воск от огня, смягчаются.
Новые дороги, всегда весенние, чаются,
Простясь с тяжелым, темным томлением.¹⁸

С самого начала стихотворения создается тот самый мажорный настрой, который сопровождает и поэтическое творчество «Божьего трубадура» Франциска: «светлая горница», «мысли — птицы ручные: журавли да аисты», «песни мои — веселые акафисты», «Любовь — всегдашняя моя вера». Поэтическое пространство создается рядом слов, становящихся контекстуальными синонимами, входящими в семантическое поле «радость, легкость, свет»: светлый, веселый, легкий, отрадный, озаренный. Интересно, что мысли уподобляются птицам, что также является реминисценцией жития Франциска. При этом весь поэтический текст строится на бинарных оппозициях, образующих антиномии, которые органично выражают сложность мира и одновременно его красоту:

Приходите ко мне, *кто смутен, кто весел,*
Кто обрел, кто потерял кольцо обручальное,
Чтобы бремя ваше, *светлое и печальное,*
Я как одежду на гвоздик повесил.
Над горем улыбнемся, над счастьем поплачем.
<...>
В комнате, озаренной *солнцем не горячим...*¹⁹
<курсив мой. — А. В.>

В цикле «Вожатый» (январь 1908) есть стихотворение, построенное на католической образности с полуэротическими метафорами, подобными тем, которые встречаются во францисканских текстах (гимнах, житиях, молитвах, поучениях):

Пусть сотней грех вонзался жал,
 Пусть — недостойн,
 Но светлый воин меня лобзал —
 И я спокоен.
 Напрасно бес твердит: «Приди:
 Ведь риза — драна!»
 Но как охрана горит в груди
 Блаженства рана.
 Лобзаний тех ничем не смыть,
 Навеки в жилах;
 Уж я не в силах как мертвый быть
 В пустых могилах.
 Воскресший дух неумертвим,
 Соблазн напрасен.
 Мой вождь прекрасен, как серафим,
 И путь мой — ясен.²⁰

Это стихотворение читается на двух смысловых уровнях: первый уровень — прочтение текста как любовного, даже эротического, описывающего любовное томление и любовный соблазн. Второй уровень рецепции и интерпретации — это аллюзивное чтение, отсылающее к католическим мистическим текстам, в частности, к уже упомянутому тексту жития св. Франциска, где тот «любовно лобзает» Младенца Христа. Кузмин словно предоставляет читателю определенный дискурсивный шифр, возводя любовные переживания (в том числе и телесные ощущения) на высоту религиозного опыта.

Похожая метафорика встречается и в стихотворении из цикла «Струи» (февраль–март 1908):

Как меч мне сердце прободал,
 Не плакал, умирая.
 С весельем нежным сладко ждал
 Обещанного рая.
 Палящий пламень грудь мне жег,
 И кровь, вся голубая.
 Вблизи дорожный пел рожок,
 «Вперед, вперед» зывая.
 Я говорил: «Бери, бери!
 Иду! Лечу! с тобою!»
 И от зари и до зари
 Стекала кровь струєю.
 Но к алой ране я привык.
 Как прежде, истекаю,

Но нем влюбленный мой язык.
Горю, но не сгораю.²¹

В этом стихотворении так же, как и предыдущем, реализуется метафора «любовь как Божественное пламя», «любовь как Божественная рана». Обратим также внимание на то, что текст Кузмина превращается в эмблематический за счет цитирования одной из известных эмблем, которую использует и П. А. Флоренский в своей работе «Столп и утверждение Истины» (1914): *Inflamatur*, «Горю, но не убываю изнуренно».²² На эмблеме изображено сердце, которое горит, но не сгорает — похожий образ встречается в иконографии Сердца Иисусова, разработанной отцами-францисканцами: в сочинениях и проповедях францисканцев встречаются размышления о Святом Сердце и призывы к Его почитанию, об этом пишут св. Бонавентура и св. Антоний Падуанский, Бернардино Сиенский также упоминает о «Сердце Иисуса, пылающем любовью».²³

Теперь обратимся к лирическим текстам Кузмина, в которых францисканская образность явлена эксплицитно, явно, как например, в стихотворении «Ассизи» из книги «Нездешние вечера» (все стихи — 1920), которое неоднократно цитировали исследователи как доказательство францисканских симпатий Кузмина:

Месяц молочный спустился так низко,
Словно рукой его можно достать.
Цветики милые братца Франциска,
Где же вам иначе расцветать?
Умбрия, мать задумчивых далей,
Ангелы лучшей страны не видали.
В говоре птичьем — высокие вести,
В небе разводы павлинья пера.
Верится вновь вечеровой невесте
Тень Благовещенья в те вечера.
Лепет легчайший — Господне веленье —
Льется в разнеженном благоволеньи.
На ночь ларьки запирают торговцы,
Сонно трубит с холма пастух,
Блея, бредут запыленные овцы,
Розовый час, золотея, потух.
Тонко и редко поет колокольня:
«В небе привольнее, в небе безбольней».

Сестры серебристые, быстрые реки,
 В лодке зеленой сестрица луна,
 Кто вас узнал, не забудет вовеки, —
 Вечным томленьем душа полна.
 Сердцу приснилось преддверие рая —
 Родина всем умиленным вторая!²⁴

Здесь обращает на себя внимание почти прямое цитирование одного из самых известных текстов не только во всей францисканской литературе, но и в мировой поэзии — «Гимна Брату Солнцу»: «сестры серебристые, быстрые реки, сестрица луна». Эти образы напоминают о поэтике гимна св. Франциска, который называет Луну и воду своими сестрами. Помимо практически прямых отсылок, в этом стихотворном тексте есть грамматико-лексические аллюзии на «Цветочки» св. Франциска — это уменьшительно-ласкательные формы слов: цветики, сестрица. Таким образом, поэт создает аутентичную картину, воспринимая Ассизи как райский топос («сердцу приснилось преддверие рая»).

Также эксплицитно поэт упоминает Ассизи в стихотворении «Поездка в Ассизи» (1921) из книги «Путешествие по Италии»:

Воздух свеж и волен после
 Разморительных простынь...
 Довезет веселый ослик
 До высоких до святынь.
 Осторожным вьемся ходом,
 Город мелок и глубок.
 Плечи пахнут теплым медом,
 Выплывая на припек.
 По траве роса живая,
 И пичуг нагорных писк —
 Славил вас, благословляя,
 Брат младенческий Франциск.
 За лозовыми стеблями
 Облупившийся забор.
 Остановка, сыр, салями,
 Деревенский разговор.
 Небо, ласточки, листочки!
 Мелкий треск звенит кругом.
 И топазовые точки
 В сером галстухе твоём.
 Дома сладко и счастливо
 Ляжем и потушим свет,
 Выполнив благочестивый
 И любовный наш обет.²⁵

Образ места, с которым неразрывно связано имя св. Франциска, создается различными средствами: образы природы, образ самого Франциска, а также многочисленные определения, напоминающие эпитеты из «Гимна Брату Солнцу» (звезды — драгоценные, яркие, а цветы — пестрые). Кроме того, поэтика этого стихотворения Кузмина отмечена яркой образностью, восходящей к житийным и иконографическим францисканским сюжетам: автор показывает нам «вещный» мир, используя отсылки к житию св. Франциска, а также к его иконографии: «веселый ослик», «пичуг нагорных писк». Строки «Славил вас, благословляя, / Брат младенческий Франциск» являются аллюзией и на «Гимн Брату Солнцу», в котором Франциск прославил Бога через прославление Его творений, и на особую любовь святого к Младенцу Христу: как известно, именно св. Франциск первым придумал и смастерил рождественский вертеп, в котором находится Святое семейство с Божественным Младенцем.

Францисканский контекст стихотворений Кузмина подтверждается и его собственными высказываниями, и словами его современников, и самими поэтическими текстами. Перспектива подобного исследования лежит в плоскости рассмотрения элементов поэтики Кузмина (образов, сюжетов, мотивов) в их сравнении с поэтикой не только гимнов самого св. Франциска, но и других поэтов-францисканцев Средневековья.

¹ Шмаков Г. Г. Блок и Кузмин (Новые материалы) // Блоковский сборник. 2. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 345.

² Там же.

³ Шмаков Г. Г. Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // *Studies in the Life and Works of Mikhail Kuzmin*. Edited by John E. Malmstad. Wien, 1989. С. 31.

⁴ Шмаков Г. Г. Два Калиостро // Кузмин М. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро. New York, 1982. С. IV, VI.

⁵ Вишневецкий И. Г. Михаил Кузмин и св. Франциск: заметки к теме // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 25–27.

⁶ Исунов К. Г. Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры // Святой Франциск и Россия. Францисканские чтения. 2006. СПб., 2008. С. 91–109.

⁷ Августин (Никитин), архим. Францисканские мотивы в русской поэзии. «Гимн Солнцу» // Нева. 2016. № 1. С. 242–254.

⁸ Кузмин М. Предисловие // Ахматова А. Вечер. М., 1988. С. 7.

⁹ Панова Л. Г. Зрелый модернизм: Кузмин, Мандельштам, Ахматова и другие. М., 2021. С. 20.

¹⁰ Ермилова Е. О Михаиле Кузмине // Кузмин М. Стихи и проза. М., 1989. С. 18.

¹¹ Джемелли Августин. Францисканство / Пер. с итал. Ирина Тимофеева. М., 2004. С. 449.

¹² Августин Аврелий. Исповедь / Пер. с лат. М. Е. Сергеевко. Общ. ред. и ст. А. А. Столярова. М., 2005. С. 6.

¹³ Джемелли Августин. Указ. соч. С. 403–404, 414.

¹⁴ Франциск Ассизский. Сочинения / Ред. пер., вступ. ст. и коммент. В. Л. Задворного. М., 1995. С. 226, 228. (Францисканское наследие. Т. 1).

¹⁵ Там же. С. 226.

¹⁶ Истоки францисканства. М., 1996. С. 498.

¹⁷ Źródła Franciszkańskie. Kraków, 2005. S. 1892.

¹⁸ Кузмин М. Стихотворения / Сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. СПб., 1996. С. 90.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ Там же. С. 107–108.

²² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М., 2003. С. 82–83.

²³ Джемелли Августин. Указ. соч. С. 152.

²⁴ Кузмин М. Стихотворения. С. 451.

²⁵ Там же. С. 289–290.